

А. ДОВАТУР, *Повествовательный и научный стиль Геродота, Л.*, изд.-во ЛГУ, 1957, 200 стр.

Труд Геродота для нас не только источник важнейших исторических сведений о древних греках и многих других соприкасавшихся с ними народах и племенах, но и первое, дошедшее до нас в нефрагментированном виде, произведение греческого историка. По Геродоту можно судить о том, что представляла собою историческая наука древних греков в пору ее зарождения и формирования. Не могут быть недооценены и содержащиеся в труде Геродота сведения этнографического и географического характера. Наконец, Геродот занимает совершенно определенное место в истории греческой литературы как один из первых дошедших до нас представителей нового прозаического жанра. Отсюда вполне понятен неослабевающий интерес к Геродоту. Им занимаются и историки, и филологи, и лингвисты, и этнографы, и географы, и археологи. В ходе изучения Геродота со всех этих точек зрения открываются все новые и новые стороны его творчества. Для современной исторической науки исследования о Геродоте, какой бы стороне его творчества они ни были посвящены, важны еще и потому, что в большей или меньшей мере все они дают критерий для решения вопросов исторической достоверности его труда, надежности сообщаемых им данных. Автор рецензируемой книги поставил в плоскости научного исследования вопрос о научном стиле Геродота. Среди разнообразных приемов работы и изложения Геродота безусловно заслуживают быть выделенными те из них, которые могут быть названы его научными приемами, характеризующими Геродота-ученого в противоположность Геродоту-рассказчику. А priori ясно, что эти приемы в значительной степени зависели от характера и особенностей первоисточников Геродота. Таким образом, вопрос о научном стиле Геродота это в значительной мере и вопрос о первоисточниках Геродота, о влиянии на него современной ему исторической обстановки, в частности, о влиянии на него различных явлений интеллектуальной жизни греческого общества. Именно так подошел к своей теме А. И. Доватур.

Первая глава его интересной, насыщенной конкретным материалом книги целиком посвящена сопоставлениям характерных с точки зрения научного стиля мест из труда Геродота с эпиграфическими текстами. Предпосылкой для такого рода сопоставлений автору книги послужила совершенно бесспорная после дешифровки микенской письменности — письма В — мысль о том, что хронологически возникновение документальной прозы, отвечавшей практическим нуждам греческого общества, предшествовало появлению литературной прозы. В этом отношении эпиграфика значительно опередила литературу. Руководствуясь этими соображениями, автор книги сопоставляет труд Геродота с целым рядом надписей, как предшествующих времени его жизни, так и ему современных. Сопоставление это, с нашей точки зрения, с полной убедительностью доказало, что у Геродота имеются в большом количестве стилистические совпадения с такими надписями, как поименные списки различного назначения, инвентарные описи, пограничные протоколы (фиксирующие демаркационные линии между государствами), почетные декреты обычных типов, узаконения о погребениях и т. д. В результате этих сопоставлений автор приходит к вполне обоснованному заключению, что «... отличительные особенности стиля ионийской исторической прозы выработались первоначально в прозе документальной» (стр. 45). На документальной прозе, таким образом, воспитывались те деятели, которые потом сыграли решающую роль в создании греческой историографии. Исключительно большое значение этого представляющегося нам вполне доказанным вывода для целей конкретных исторических исследований вряд ли нуждается в пояснениях. В то же время отметаемые А. И. Доватуром стилистические признаки в целом ряде случаев убедительно раскрывают близость Геродота к документальным источникам. Тем самым открываются новые перспективы в решении сложнейшего вопроса о первоисточниках Геродота.

Менее убедительными представляются сопоставления исторических рассказов Геродота со сжатыми сообщениями об исторических событиях, содержащимися в некоторых надписях. Слишком малочисленны и незначительны по объему такие сообще-

вия в эпиграфических памятниках, чтобы их можно было поставить в один ряд с убедительными параллелями тех типов, о которых речь шла выше.

Вторая глава книги А. И. Доватура посвящена не менее важным и органически связанным с проблемой научного стиля Геродота вопросам о его социальной и политической терминологии. В этой главе внимательно и всесторонне исследуются наиболее значительные термины социально-политического словаря греков времени Геродота. Само собой разумеется, что этот вопрос мог бы стать предметом специального монографического исследования. Но автор рецензируемой книги себя ограничивает: в поле его зрения лишь такие термины, какие имеют непосредственное отношение к словоупотреблению Геродота. Результаты исследования этих терминов оказываются отнюдь не менее интересными. Разбирая использование Геродотом таких терминов, как тиран, монарх, царь, а также терминов, обозначающих различные категории свободного и несвободного труда, А. И. Доватур приходит к следующим заключениям. Во-первых, Геродот в своем словоупотреблении довольно последовательно повторяет терминологию, установившуюся в документальной прозе демократической Греции. Во-вторых, немногочисленные отклонения от такого словоупотребления каждый раз находят себе объяснение в специфике источников Геродота. Так, если в нескольких случаях Геродот именует носителей тиранической власти царями, то это объясняется либо сказочной окраской всего контекста, в котором встречается этот термин, либо специфическим характером тирании в отдельных греческих государствах — в Сицилии, Южной Италии. Конечный вывод А. И. Доватура тот же, что и в первой главе: Геродот как представитель ранней историографической прозы и в данном случае тесно связан с традициями документальной прозы. Хотя вывод этот представляется в достаточной мере аргументированным, не следует упускать из виду, что в данном случае самим ходом своего исследования автор книги оказался поставленным лицом к лицу с таким теоретическим вопросом кардинального значения, как вопрос о взаимовлияниях живой речи, документа и литературы. Если иметь в виду историческую действительность во всем ее многообразии, иной раз очень трудно установить, что на что повлияло. А. И. Доватур считает, что документальная проза времени рабовладельческого строя опиралась на обиходную речь определенных социальных слоев (стр. 64). Это, конечно, верно, но с такими же основаниями можно предположить, что та же обиходная речь непосредственно повлияла и на Геродота, что посредничество документа в данном случае имело лишь второстепенное значение. Теоретически возможен и такой путь в решении этого вопроса. Однако по какому пути мы бы ни пошли, в самой постановке этого вопроса нельзя не признать большой научной заслуги автора рецензируемой работы.

Три следующие главы книги А. И. Доватура посвящены уже достаточно разработанному вопросу о связи Геродота с фольклором. Наряду с многочисленными статьями, эта тема разрабатывалась в таких солидных исследованиях, как монографии Клигера и Али. Но А. И. Доватур и здесь вносит много нового и интересного. Так, он проследживает те модификации, которым подвергается фольклорный рассказ в устной передаче (стр. 69—71). В этой связи особенно интересны изменения устных рассказов, бытовавших в Афинах. К сожалению, однако, один из наиболее любопытных рассказов такого рода — рассказ о тираноубийцах Гармодии и Аристокитоне (стр. 71) — затронут автором книги слишком бегло. Из напечатанного в 1952 г. автореферата диссертации А. И. Доватура видно, что предание о тираноубийцах было им подробно исследовано в специальном большом экскурсе. Так почему же этот очень важный и пугный экскурс не был включен в книгу?

Очень интересна аргументация, при помощи которой автор книги убедительно доказывает городское происхождение новелл, включенных Геродотом в его труд. Можно считать вполне доказанной и мысль А. И. Доватура о том, что вся история Индии в изложении Геродота носит явные следы столичного сардского происхождения, в противоположность рассказам Ксанфа, отражавшего общелидийскую традицию. В итоге автор книги приходит к заключению, что Геродот не подвергал существенной переработке разнородные и иной раз противоречивые рассказы, собранные им во время его путешествий. Это наблюдение имеет под собой вполне конкретную почву

(гл. IV). Можно сказать с полной уверенностью, что мимо этого наблюдения теперь не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся Геродотом.

Последний и, пожалуй, наиболее важный вопрос, решаемый в рецензируемой книге, это вопрос о связи между литературным и научным стилем Геродота. Ведь речь здесь идет о законченном и в этом смысле едином произведении великого греческого писателя, завершившего своим трудом деятельность своих предшественников — логографов и открывшего новые перспективы для дальнейшего развития античной историографии. В живом и ярком повествовании Геродота различные приемы его работы органически слиты. При таких условиях не так-то легко расчленишь это единство и установить связь между различными образующими его элементами. Но автор рецензируемой книги успешно и убедительно решает и этот важнейший вопрос своего исследования. В труде Геродота, по его мнению, мы последний раз в греческой исторической прозе встречаем новеллу, сохраняющую все особенности фольклорного стиля. Наряду с этим, мы находим у Геродота новеллы уже иного типа, представляющие собой продукт разложения традиционной новеллы под влиянием научных запросов его времени и документальной прозы.

Прочитав книгу А. И. Доватура, ознакомившись с его приемами тонкого, вдумчивого и почти всегда убедительного анализа текстов, трудно не согласиться с этим главным его выводом. Выход в свет этой книги, безусловно, значительное событие в нашей научной жизни. Ее с одинаковым интересом и пользой для себя будут читать и историки и филологи.

Д. Каллистов

Книга А. И. Доватура — крупное событие в советской литературе об античности. Литература о Геродоте огромна, но труд «отца истории» ставит перед современными филологами и историками столь много и столь сложные вопросы, что большинство их остаются по меньшей мере спорными.

Как впервые было создано литературное произведение, положившее начало исторической науке, впервые оформившее ее логический и литературный стиль? Об этом кардинальном вопросе написано весьма много; сделано немало ценных наблюдений; А. И. Доватур, критически используя обширную литературу, сумел найти совершенно новые и весьма плодотворные подходы к решению этого вопроса. Исследователь в главе I «Генезис научного стиля греческой историографии» впервые выдвинул глубоко правильное утверждение, что греческая прозаическая письменность впервые появилась как письменность документальная, а не как позднейшая (конец VI в. до н. э.) литературная ионийская проза.

Исследование А. И. Доватура показывает, что труд Геродота действительно должен рассматриваться как первый в истории научной мысли исторический труд, качественно отличный от произведений логографов. Методологически совершенно правильно А. И. Доватур ставит вопрос о той социальной среде, в которой возник исторический интерес, оформившийся в историческую науку; это — городская среда, создавшая античную рабовладельческую демократию. Тем самым исследователь дает весьма важную характеристику культурной роли этой демократии, ее идеологии. Этому вопросу, в сущности, посвящена и глава II исследования «Социальная и политическая терминология Геродота».

Автор справедливо подчеркивает, что проблема социально-политической терминологии древнегреческих авторов едва только начинает изучаться. Для Геродота такие терминологические исследования несколько облегчаются благодаря наличию работы J. Powell «A Lexikon to Herodotus» (Cambr., 1938).

Автором убедительно показано, что слово «тиран» не было официальным титулом носителей соответствующей власти и что в законодательстве рабовладельческих демократий, начиная с V в. до н. э., оно стало термином с одиозным оттенком. Автор отметил, с другой стороны, что в ряде случаев тираническая власть в лите-

ратурных источниках VI—V вв. обозначается словами βασιλεύς, βασιλεία; это словопотребление автор, на мой взгляд, достаточно не разъяснил.

Думается, что здесь необходимо дальнейшее исследование; могу напомнить, что в демократическом словопотреблении V в. слово τυραννίς встречается в переносном значении и может иметь положительный оттенок. (Например, у Фукидида в речах демократических ораторов, у Гиппия Элидского по отношению к закону.) С этим, возможно, связана и характеристика сиракузских тиранов у Геродота, а также именование тиранов басилеями; представление о басилее, особенно о βασιλεία, не может быть характеризовано как нечто безусловно враждебное демократической идеологии второй половины V в. Горгий в «Паламее» положительно характеризует политическое положение Афин в Элладе как βασιλεία πάλεων.

Постановка вопроса о социально-политической терминологии Геродота является крупной заслугой автора; можно только пожалеть, что этой проблеме автор уделил сравнительно мало внимания. Это тем более обидно, поскольку сам автор выдвигает еще одну важнейшую проблему, неразрывно, на наш взгляд, связанную с первой: «Следует заметить,— говорится в книге,— что, судя по полученным нами до сих пор результатам, государственно-правовые и юридические термины и технические выражения, по-видимому, в большом количестве отложились в труде Геродота, так что исследование его языка с этой точки зрения не может оказаться бесплодным. Такой задачей мы перед собой не ставим» (стр. 38). В свете этих слов задача главы II представляется неясной. В этой главе рассматриваются термины τυραννος, ἀντὶ ἰγαθός, θῆς и θητεύω, λάτρις и λατρεύω; этих терминов недостаточно для решения поставленной в заглавии задачи, хотя, разумеется, развернутое решение у вело бы А. И. Доватура далеко за пределы и темы и объема книги. Рассматриваемая глава обосновывает вывод: «Историография, как показывает пример Геродота, подчинилась официальной афинской (только ли афинской?) терминологии» (стр. 64). Вполне ли обосновывает? — спросим мы; на данном уровне знаний о политической терминологии классической Греции, последним достижением которых является рассматриваемая книга, вышецитированный вывод можно считать обоснованным достаточно. Но в поле зрения исследователя все время должен быть вопрос о том, что не только политическая терминология древнегреческой демократии, но и сама политическая идеология этой демократии до сих пор остаются проблемами мало исследованными. В своем глубоко содержательном анализе приемов творчества Геродота автор делает ряд чрезвычайно ценных наблюдений над элементами демократической идеологии в труде «отца истории».

Если теперь, после появления книги А. И. Доватура, важным источником труда Геродота мы должны считать документальную прозу (не только в смысле литературного стиля), то другим важнейшим источником, как это уже давно отмечено, был устный рассказ, получивший как элемент исторической традиции достаточно устойчивую форму и содержание и отлившийся в форму новеллы у Геродота. А. И. Доватур дает насыщенную конкретным материалом характеристику геродотовских новелл, ставит вопрос о социальных и политических корнях этого жанра, полагая, что в своем подавляющем большинстве они отражали интересы руководящих слоев города; вместе с тем новелла «была формой, которой пользовались разные, сменявшие друг друга и борвавшиеся друг с другом идеологические течения» (стр. 145). И здесь Доватур вполне оригинален, три главы о новелле являются бесспорным вкладом в науку, несмотря на то, что о новелле у Геродота существует большая и содержательная научная литература.

Но вместе с тем нельзя не пожалеть, что автор не делает попытки оценить содержание отдельных новелл с точки зрения отражения в них социальной и политической мысли, характерной как для городских слоев, так и для Геродота. При чтении глав III и IV создается впечатление, что автор не находит в труде Геродота синтетического начала, объединения сообщаемого материала вокруг основных идей. Автор говорит, что Геродот преимущественно кумулирует новеллы, включает их в свое повествование вместе с содержащейся в этих новеллах, как автор выражается, философией. Он отводит от себя уже давно выдвинутый в литературе вопрос о влиянии софис-

тов на Геродота, ибо, как автор правильно замечает, самые понятия «софисты», «софистика» не вполне ясны; тем более было бы важно, чтобы исследователь высказался по поводу этой проблемы.

Блестящий филологический анализ геродотовых новелл, проводимый автором в связи их с древнегреческой новеллистикой вообще, обходит, как правило, вопрос о содержащейся в новеллах теоретико-политической мысли; лишь иногда автор делает в этом направлении ценные замечания, как, например, по поводу высказывания Кира о политическом быте греков (стр. 72), или об описаниях военных сцен у Геродота (стр. 78). С другой стороны, чрезвычайно характерный рассказ о советах Креза Киру (Herod. I, 154 сл.), как лишить лидийцев воинственности, столь живо напоминающий теоретико-политические дискуссии о роли воспитания в связи с проблемой *φύσει* и *νόμῳ*, А. И. Доватур трактует только как «местный, лидийский. Тема его: свергнутый Крез спас свой народ от гибели тем, что направил его на мирные занятия, которые и поныне заполняют его существование; вспомним о роли лидийцев в истории музыки...» (стр. 88). Подобным образом представляется неполной, а потому неверной, характеристика рассказа Геродота о беседе Бианта Приенского с Крезом о морском могуществе островитян, о совете Бианта ионийцам переселиться в Сардинию и основать там одно государство, равно как о совете Фалеса ионийцам объединиться в одно государство у себя на родине. Во всех этих λόγοι содержатся элементы политической теории демократии, широко отраженной в литературе V в., у Протагора, Горгия, Псевдо-Ксенофонта, Фукидида, Лисия и др. Думается, что включение в анализ новелл момента политической идеологии могло бы существенно дополнить анализ круга идей самого Геродота, как представителя только что возникшего гуманитарного знания. А. И. Доватур выделяет только три категории λόγοι, которые «отличаются тем, что имеют в виду не тот или иной исторический момент или событие, а обобщение более широкого характера и иногда дают рецепты для устранения политических зол» (стр. 137).

Сущность советов Бианта и Фалеса автор резюмирует так: «На покорение Ионии персами греческая мысль реагировала созданием рассказов о советах мудрецов покончить с политической раздробленностью Ионии» (стр. 137). Но ведь здесь выдвигается политическая теория, до сих пор наукой об античности не учитывавшаяся, прямо противоположная теории полиса; во всяком случае, в логосе о Бианте и Фалесе затрагиваются политические мотивы, уводящие далеко за эпоху греко-персидских войн.

В трактовке новелл о Деюке и о диспуте трех персидских вельмож автор вплотную соприкасается с проблемой политической мысли V в., но в своем анализе всей значимости этой проблемы не учитывает. Новелла о Деюке трактует не только проблему происхождения монархической власти, но шире — возникновение государства вообще. Эту новеллу необходимо сопоставлять с фрагментами Протагора, Горгия, Антифонта с исторической и политической теорией у Фукидида. Здесь, так же как и в диспуте трех персидских вельмож, мы сталкиваемся не только с политической спекуляцией, но с разработкой политической теории уже в научной литературе, а не только в устных рассказах, новеллах *sui generis*. Сам автор в этом пункте обнаруживает колебания. По поводу выделенной им категории λόγοι он говорит: «Так любой из приведенных выше λόγοι рассматриваемой здесь категории изобличает реальные познания своих создателей и среды, в которой эти λόγοι бытовали» (стр. 144), автор говорит о существовании «особой категории „научных“ новелл, предшественниц научной прозы» (стр. 142).

Остается неясным, как связывает автор начало научной прозы с научным стилем Геродота; он отстраняет вопрос о роли «софистики» в развитии научной прозы, ограничиваясь замечанием, что «специфически софистических выводов в новеллах (и у Геродота) нет» (стр. 143). Признаваемая автором в данном пункте неясность зависит, как кажется, от того, что автор не остановился на том, в чем заключается специфика софистической аргументации.

Отметим, что политическая теория играла, очевидно, крупную роль в формировании научного стиля Геродота; значение же «софистической» литературы в развитии политической мысли было весьма велико. Но сам вопрос о политической мысли V в. остается в значительной степени открытым. Вполне естественно поэтому, что

исследовательское внимание А. И. Доватура было лишено возможности охватить и это поле. Думается, что та «расплывчатость» понятия «софистика», на которую указывает А. И. Доватур, зависит от искусственности и самого термина и понятия.

Однако исследование А. И. Доватура в высокой степени содействует дальнейшей работе над политической теорией V в. Выше уже были отмечены некоторые ценнейшие наблюдения А. И. Доватура над элементами политической теории демократии у Геродота, число которых можно было бы значительно умножить.

Завершающая V глава исследования «Стиль новеллы у Геродота» с предельной убедительностью показывает характер авторской работы Геродота, который выступает именно как историк, обрабатывающий свои первоисточники — новеллы. «Направляющей линией в истории Геродота в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, — говорит А. И. Доватур, — является исследовательский интерес» (стр. 151), и автор доказывает это, мастерски воспроизводя перед читателем процесс пронизывания Геродотом богатейшей и пестрой массы новелл парантезами, учеными комментариями. Не нагромождение занимательных рассказов увлекает Геродота, но провозглашение ряда политических и этических идей о φόβος θεῶν, о предопределенности судеб человечества, или, напротив, о мощи человеческой воли и др. Проблему выяснения мировоззрения Геродота А. И. Доватур перед собой не ставил. Но его превосходное, высокоэрудированное исследование открывает новые пути к изучению любой стороны труда Геродота.

А. Бергер